

Микдад Саидов

**Корни, ствол и
плоды**

Микдад Саидов

Корни, ствол и плоды

<https://litres.ru/74426297>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Корни, ствол и плоды» — это исповедь человека, который прошёл через степь, войну, падение без парашюта, онкологию и инсульт — и выжил. Книга о том, как мальчик из кочевой семьи в Муганских степях стал десантником, художником, скульптором, предпринимателем и наставником.

Это не мемуары победителя. Это рассказ человека, который падал много раз, но всегда вставал. История о бабушке, прожившей 117 лет, об отце, который в 12 лет пас овец в горах с одной кастрюлей, о матери, работавшей до последнего дня перед родами.

Эта книга — о боли и любви, о предательстве и верности, о деньгах и их истинной цене, о том, как помочь другим и не потерять себя.

Если вы ищете пример несгибаемой воли — вы найдёте его здесь.

Если вы хотите понять, что такое «подняться после падения» — вы увидите это на каждой странице.

Если вы мечтаете начать новую жизнь, но боитесь — эта книга даст вам смелость.

«Корни, ствол и плоды» — живое доказательство того, что возможно всё. Абсолютно всё.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Микдад Саидов

Корни, ствол и плоды

Глава

Пролог

Меня зовут Микдад Джумарович. Я родился в 1965 году в Муганских степях Азербайджана — там, где небо сливается с землёй, а ветер пахнет полыньёю и свободой. Меня приняла на руки моя бабушка Селми. Она прожила 117 лет, и до последнего дня её память была ясной, а голос — сильным. Она дала мне имя. Она дала мне веру. Она дала мне корни. Моя жизнь была нелёгкой. Я прошёл через голод и жару, через армию и падение без парашюта, через болезнь и потерю всего, что строил. Я терял деньги, бизнес, любовь, здоровье — но я никогда не терял себя. Сегодня я знаю: всё, что я пережил, было подготовкой к одному — помогать другим вставать на ноги. Я не герой. Я человек, который падал много раз. Но я всегда вставал. И если моя история поможет хотя бы одному человеку не сдаться — значит, она была написана не зря. Я — Микдад Джумарович. Это — моя книга.

Глава 1

Мир, в который я пришёл, не знал электричества. Он знал

только ветер, полынь, шорох змей в камышовых стенах и тихое дыхание овец за кошмой. Меня встретила не врач в белом халате. Меня приняла на руки моя бабушка Селми — мать моего отца, женщина, которой тогда было уже 90 лет. Она прожила 117 лет. Она видела три эпохи. Она родила 12 детей, но до моего рождения дожили только трое. Она дала мне имя — Микдад. В честь одного из первых сподвижников пророка Мухаммада. Имя, которое означает «верный», «стойкий», «тот, кто не отступает». Я не помню тот день — я его не видел. Но я его чувствую до сих пор. Он остался во мне как первый звук, как первый свет, как первое дыхание.

Глава 2

Наш дом стоял прямо на земле. Без фундамента, без крыльца, без окон в нашем понимании. Его стены были слеплены из камыша и грязи — вручную, под солнцем, которое сушило глину до каменной твёрдости. Дом пах. Пахло сухой травой, овечьей шерстью, топлёным маслом, дымом от очага и кислым молоком. Но самое удивительное — дом был живым. В стенах шевелились звуки. Шорох, скрип, почти беззвучное скольжение. Змеи. Они жили там же, где и мы. Я не боялся их тогда. Ночью, когда я ложился спать рядом с братьями и сёстрами, я слышал их шёпот. Он был частью тишины. Частью дома. Частью моей жизни. Я лежал на кошке, смотрел в щель в крыше и видел звёзды. Они были близкими. Казалось, если протянуть руку — можно дотронуться до

них.

Глава 3

В Муганских степях мы не видели снега. Ни разу. Зима была холодной, но сухой — ветер резал лицо, земля трескалась, вода в кувшинах покрывалась тонкой коркой льда, но белого, пушистого, летящего с неба — не было. Я долго не мог понять, что такое снег. Когда взрослые говорили о нём, я представлял что-то белое, как молоко, но колючее. А когда я впервые увидел его в Дагестане, уже мальчиком, я долго стоял и смотрел — и не мог поверить, что земля может быть такой тихой, белой и холодной. Но в степи снега не было. Бабушка Селми закутывала нас в старые одеяла и говорила: «Зима — это не враг. Это время, когда земля отдыхает. И мы тоже должны отдыхать, чтобы весной снова встать и идти». Я верил ей. Потому что она уже пережила больше ста зим.

Глава 4

За двенадцать лет, проведённых в Муганской степи, я видел снег только один раз. Мы проснулись от тишины. Степь была странно белой. Я вышел из дома босиком — и холод уколол пятки. На земле лежал тонкий, почти прозрачный слой. Не снег, а иней, который за ночь оделся в белую шерсть. Мама вышла, посмотрела и сказала тихо: «Это зима пришла повидаться с нами». Бабушка Селми вышла на порог, долго смотрела на белое поле и сказала: «Я видела это

много раз. Это к хорошему году». Через час от снега не осталось и следа. Но я долго помнил это утро.

Глава 5

Когда я закрываю глаза, я снова там. Лето. Степь. Воздух дрожит над землёй, как над раскалённой печью. До шестидесяти градусов — не шутка. Запах полыни — он врезался в память навсегда. Горький, пряный, сухой. Он смешивался с запахом нагретой земли и овечьего навоза. Мы бегали босиком, не чувствуя жары. Но самое главное — это была еда. Гранаты, которые мы разбивали камнем, — их сок тёк по рукам. Виноград — тёмный, сладкий, лопающийся на зубах. Арбузы, которые мы резали прямо в поле, и они были такими холодными внутри, что казалось, будто мы едим лёд. Дыни — особенно отличались. Их мякоть таяла во рту, оставляя медовый привкус, который я чувствую до сих пор. Молоко — густое, парное, прямо от овцы. Мы пили его тёплым, с пенкой. Мясо — степное, на костре, с запахом дыма и полыни. Я помню вкус каждой еды. Я помню, как мама Пейкер подавала нам сыр, и он был тёплым, ещё не остывшим. Я помню, как бабушка Селми говорила: «Ешь, Микдад. Это земля даёт нам силу».

Глава 6

Мы почти никогда не носили обувь. Только в холод, только когда шли в село. А так — босиком. С утра до вечера.

По камням, по глине, по сухой траве, по песку, который обжигал подошвы в полдень. Сначала было больно. Но потом боль уходила. Стопы становились твёрдыми, как подошва. Я бегал по змеям и скорпионам, не боясь их укусов. Я ловил их голыми руками, и они скользили по моим ладоням, как вода. Я ходил босиком и в горах Дагестана, и в Судже, когда выходил в сад к Наталье Ивановне. И даже когда уже стал взрослым — иногда, в тихие вечера, я снимал обувь и ступал на землю, чтобы вспомнить. Потому что земля помнит нас.

Глава 7

В центре Муганской степи проходил большой канал. Вода в нём была мутной, тяжёлой, с запахом земли и тины. Но именно она поила степь. Без неё не было бы ни травы, ни овец, ни нас. Я любил этот канал. Мы ходили к нему каждый день. Сначала — за водой, потом — за рыбой. Сазан — золотистый, сильный. Сом — тёмный, скользкий, с усами, которые шевелились под водой. Мы ловили их руками. Иногда — сетью. Я помню, как однажды поймал сома почти с меня ростом. Я вытащил его на берег, и весь посёлок собрался посмотреть. Все говорили: «Микдад, ты настоящий охотник!» И я чувствовал гордость, такую большую, что она до сих пор живёт во мне.

Глава 8

Я помню тот день. Небо пожелтело за час. Стало душно,

тихо — так тихо, что слышно было, как бьётся сердце. А потом пришёл ветер. Он сорвал с дома камышовую крышу, как шапку с головы. Стены задрожали. Мы выбежали во двор — и я увидел, как наш дом складывается, как карточный домик. Отец крикнул: «В ямы! Быстро!». Мы прыгнули в ямы. Мама обхватила меня руками, закрыла голову. А сверху летело всё: камни, ветки, куски камыша. Даже коровы — я видел, как они поднимались в воздух. Всё длилось, казалось, вечность. А потом — как по команде — ветер стих, и с неба обрушилась вода. Дождь лил так, будто кто-то опрокинул небо. Мы стояли в ямах по колено в воде. Когда дождь кончился, мы вылезли. Дом лежал на боку. Но мы были живы.

Глава 9

По вечерам, когда степь затихала, Селми зажигала керосиновую лампу. Она ставила её на земляной пол, и круг света собирал нас всех вместе. Она рассказывала истории. О своей жизни. О том, как её выдали замуж в 17 лет. О том, как она жила без крыши над головой. О том, как её последний муж отнял у неё сына — моего отца. Она говорила о смерти без страха. Она говорила о жизни с благодарностью. Она помнила всё. До последней минуты. Я слушал её и впитывал каждое слово. Я не знал тогда, что эти вечера станут моим главным университетом.

Глава 10

Мою маму звали Пейкер. Она не говорила громко. Она не требовала внимания. Она просто была — и этого было достаточно. Я помню её руки. Они работали всегда. Они месили глину, носили воду, доили коров, стирали, гладили, кормили, лечили. Я помню, как она работала до последнего дня перед родами. Она не ложилась, не просила отдыха. Она знала: если она остановится, семья остановится. Она была той землёй, на которой выросла наша жизнь.

Глава 11

Моего отца звали Джумар. Он был тем, кто держал дом. Тем, кто вставал затемно и ложился, когда уже все спали. Он не говорил много. Он показывал пример. Я помню, как он в 12 лет пас овец в горах с одной кастрюлей. Он пил сырое молоко от овец и спал под открытым небом. У него не было ни тёплой одежды, ни еды, ни надежды. Но он выжил. Он стал морским пехотинцем. Вернулся — и его не узнали односельчане. Он выбрал свою мать Селми, хотя все осуждали его. Он построил дом, родил детей, вырастил меня. Когда я оглядываюсь назад, я вижу его не как героя. Я вижу его как человека, который никогда не сдавался.

Глава 12

1976–1977 годы. Всё село Маза переселилось в Бутказмалар. Отец уехал первым, с мамой и младшими. А я остался с Селми и сёстрами — продавать животных. Три коровы,

двадцать пять овец. Это было моё последнее дело в степи. А потом — автолавка, полная муки. Мы сидели на мешках, и дорога трясла нас. Мне было 12 лет. Мы ехали из степи в неизвестность. Мы не знали, что нас ждёт. Но мы знали: эта дорога — начало новой жизни.

Глава 13

В Бутказмаляре мы получили участок. Отец с мамой начали строить дом. Я помогал. Мы делали кирпичи из глины и соломы. Топтали грязь ногами. Каждый кирпич — 5 копеек. За день — 100–150 штук. Руки болели. Спина ныла. Но я был счастлив — я работал рядом с отцом. Мы втоптывали себя в эту землю. И она становилась нашей.

Глава 14

Мы приехали в Бутказмаляр не как гости. Мы приехали как переселенцы — с пустыми руками, с надеждой и с верой, что здесь мы построим дом. Нам дали участок. Голую землю, поросшую сухой травой. Ни дома, ни сарая, ни колодца. Отец посмотрел на меня, положил руку на плечо и сказал: «Здесь будет наш дом, Микдад. Мы построим его сами». Я не знал тогда, что он значит. Но я запомнил его голос. Он звучал твёрдо, как клятва. Мы начали с нуля. С глины, воды и соломы.

Глава 15

Мы делали кирпичи сами. Глину месили ногами — холодную, липкую, с осколками соломы, которые резали кожу. Каждый кирпич — пять копеек. За день — сто-сто пятьдесят штук. Я помню, как у меня болели руки, как ныла спина, как кожа на ладонях становилась жёсткой, как подошва. Но я не жаловался. Отец работал рядом. Он не говорил лишних слов. Он просто делал — и я делал. Я гордился, что могу заработать. Что я не просто мальчик, а помощник. Что каждый кирпич, который я делал, становился частью нашего дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.